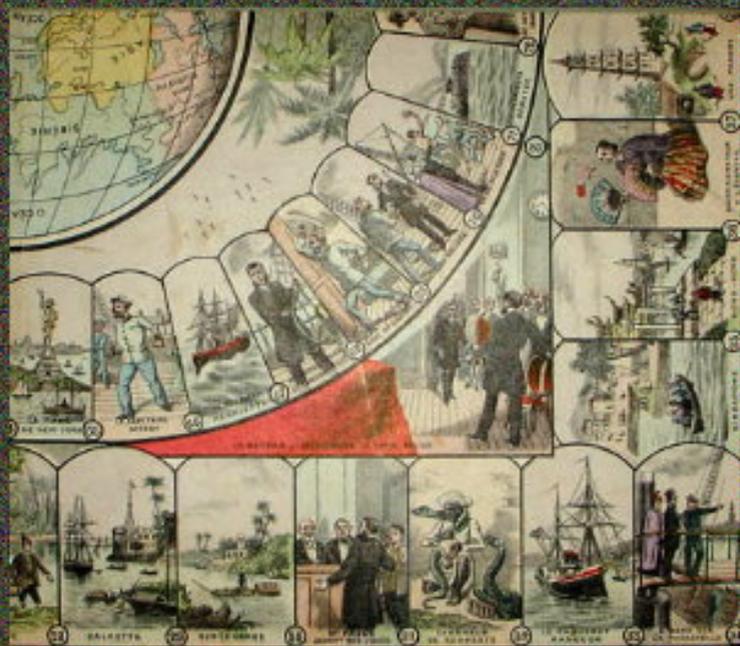

[Polaris]

А. РЕННИКОВ

ВОКРУГ
СВЕТА

Рассказы

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLX

Salamandra P.V.V.

А. РЕННИКОВ

**ВОКРУГ
СВЕТА**

Рассказы

Salamandra P.V.V.

Ренников А. М.

Вокруг света: Рассказы. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 54 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLX).

В книгу вошли избранные фантастические и пародийные рассказы прозаика, драматурга и журналиста А. Ренникова (Селитренникова, 1882-1957).

Сборник продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений русской эмиграции.

**ВОКРУГ
СВЕТА**

ВОКРУГ СВЕТА

1.

Заседание Лондонского географического общества подходило к концу. Резюмировав прения, председатель обратился к сидевшему в первом ряду Филеасу Фоггу с торжественным вопросом:

— Мистер Фогг! Итак, решаетесь ли вы, после всех доставленных вам условий, на путешествие вокруг света в семьдесят дней без новейших способов передвижения?

— Да, сэр, — невозмутимо ответил Филеас Фогг, не вынимая сигары изо рта.

— Вы обязуетесь не говорить за все время путешествия ни на каком языке, кроме английского?

— Да, сэр.

— Вы согласны на маршрут, выработанный в настоящем заседании и включающий в себя: Сан-Сальвадор, Мексику, Калифорнию, Сандвичевы острова, Японию, Китай, Индостан, Аравию, Тунис, Гибралтар, Лондон?

— Да, сэр.

— В таком случае, мистер Фогг, срок на премию в 500 тысяч фунтов начинается с завтрашнего утра в 10 час. 30 мин. по Гринвичу. Объявляю заседание закрытым.

2.

Мистер Фогг сидел на корме огромного океанского парохода в длинном лонгшезе, положив для удобства одну ногу на пароходный компас, и читал газету. Через 5 часов 25 минут после отхода он заметил, что около него вертится какой-то незнакомец и старается заговорить.

— Послушайте, джентльмен, — проговорил, наконец, Фогг, прочитав газету до конца и убедившись в последней

строчке, что редактор газеты не переменялся. — Я вижу, как будто, что моя личность представляет для вас исключительный интерес?

— Вы угадали, сэр, — ответил незнакомец на плохом английском языке. — Я хотел вам предложить свои услуги, сэр. Я все могу, сэр.

Филеас Фогг, который ничему не удивлялся уже 23 года, не удивлялся с тех пор, когда его бросила жена, бежавшая с одним полярным путешественником, был несколько изумлен предложением иностранца. Он докурил сигару, внимательно следя за ее пеплом, и сказал, наконец:

— Я не знаю, что вы можете, милостивый государь. Но, надеюсь, вы не сапожник и не авиатор в одно и то же время?

— На этот раз вы не угадали, сэр, — спокойно возразил незнакомец. — Я именно и сапожник и авиатор одновременно. Если же вам, сэр, нужен, кроме того, машинист на пароходе, повар, шофер, плотник, прачка, скрипач, артиллерист, официант, переписчик на машинке, чертежник, землемер, печник и дровосек, — то я тоже к вашим услугам.

— Не исключая фотографа? — спросил озадаченный Фогг.

— Разумеется, не исключая, сэр, — быстро согласился незнакомец. — Фотография сама собой подразумевается. О ней не стоит упоминать так же, как и о гравировке по меди, которую я знаю в совершенстве.

— Так, — задумался, нахмурившись, Филеас Фогг. — Это превосходно. Подобные специалисты, не спорю, особенно полезны в кругосветном путешествии. Но... кто вас может рекомендовать?

— Прежде всего, — я сам. Ну, а кроме того, все правительства всех стран, сэр, — ответил незнакомец, забираясь рукой в карман и доставая оттуда пачку бумаг. — Вот, извольте взглянуть: здесь, на этом документе, 35 виз. На другом, будьте добры убедиться, 48. Итого 83. Далее: короткое путешествие с 14 визами. Это прогулка в одну дачную местность, в окрестности. Затем: легитимация, сертификат, карт д'идантите, дозвола на живот...

— Достаточно. Разрешите узнать вашу национальность и имя?

— Что касается национальности, сэр, то она ясно выводится из предъявленных вам документов: в них определенно значится, что я подданный великой Горской республики. А имя мое, сэр, Иван-Петров-Заде-Ага. Это довольно длинное имя, правда; я сам иногда бываю им недоволен. Но никто не мешает вам, сэр, для простоты обозначения называть меня кратко: Паспарту.

— Я беру вас! — твердо произнес Филеас Фогг, подумав 3 минуты 18 секунд. — С двенадцати часов вы находитесь у меня на службе, мистер Паспарту.

3.

В Сан-Сальвадор пароход прибыл днем. Сойдя на пристань, Филеас Фогг обратился к носильщику с просьбой отнести вещи в автомобиль лучшего отеля. Но носильщик не понимал.

— Эти парни лопочут не то по-португальски, не то по-испански, — рассердился Паспарту. — Погодите, сэр. Я сейчас отыщу настоящего туземца.

Он взобрался на стоявший у пристани ящик, сложил ладони в трубку и зычно крикнул на непонятном Филеасу Фоггу наречии:

— Господа! Э-эй! Кто из вас тут земляки? Иван Иванович, Михаил Степанович, Сидоров, Карпов, отвечай!

— Я Федоров! — послышался радостный голос одного из грузчиков. — Здравствуйте, земляк. Вот приятная встреча!

Иван-Петров-Заде-Ага облобызался на глазах у удивленного Филеаса Фогга с Федоровым, расспросил его обо всем и уверенно повез своего патрона в отель, указывая достопримечательности местности и ту вершину, которую впервые увидел с моря Христофор Колумб.

— На каком языке вы объяснялись с вчерашними рабочими? — спросил Филеас Фогг на следующий день Пас-

парту, когда тот, заменив больного гостиничного шофера, вез своего патрона в окрестности города.

— На туземном, сэр, — отвечал Паспарту. — Здесь живет одно старое уцелевшее племя, и я на досуге изучил его язык. Не угодно ли, между прочим, вам, сэр, заехать в гости к одному из этих туземцев?

— Я очень рад, что взял вас на службу, Паспарту, — величественно произнес Филеас Фогг. — Везите меня к туземцам. Вы незаменимы, Паспарту.

— Не то еще будет, сэр, — скромно потупив глаза, ответил Иван-Петров-Заде-Ага.

4.

Колонисты встретили земляка радостными расспросами. «Откуда? Как? Почему?» Паспарту усадил Филеаса Фогга у стола и стал рассказывать о том, сколько ему за последние годы пришлось испытать мытарств.

— И теперь, видите, служу у этого рыжего болвана, — закончил он свое повествование, показывая пальцем на Фогга, который в ответ торжественно кивнул головой. — С жиру взбесился от своих стерлингов, поехал осматривать земной шар.

— Дурак, — грустно согласился седой полковник, хозяин избушки. — Я понимаю еще интерес к разным частям света, когда нужно устраиваться. Но имея деньги и отечество... Осел!

— Вы слышите, сэр? — спросил Паспарту Филеаса Фогга. — Туземцы вас приветствуют.

— Передайте им мою благодарность, Паспарту, — почувственно ответил Филеас Фогг. — Я очень тронут.

И он снисходительно стал осматривать внутренность хижины. Ему понравились вышивки крестиками, которые делают своими руками туземки Сан-Сальвадора. Он внимательно разглядывал изделия из местного дерева в виде мундштуков, корзиночек, табакерок. Он купил даже на па-

мять одну коробочку с узорами, выжженными по дереву очень искусно и со вкусом. Уезжая в город, он благодарил туземцев и спросил Паспарту, указывая на стоявший в углу вылепленный из местной глины бюст Пушкина:

— Это что такое?

— Их Бог, — спокойно ответил Паспарту. — Если вы им оставите десять фунтов, сэ, они целый год будут покупать благовонные травы в виде папирос и курить перед богом фимиам в вашу честь.

5.

Мексикку и Калифорнию путешественники миновали благополучно. В Калифорнии, впрочем, на железной дороге произошла однажды задержка, так как через поврежденный водою мост машинист не хотел вести поезд.

— Паспарту, мы опоздаем, — грустно сказал Филеас Фогг, заглядывая в карманный календарь. — Что нам делать, Паспарту?

— Не беспокойтесь, сэ, — ответил Петров-Заде-Ага. — Я на этой станции познакомился с одним индейцем по имени Голопупенко. У него есть несколько верных товарищей... Если вы хорошенько заплатите, они высадят машиниста и сами перевезут нас на ту сторону.

Филеас Фогг согласился. Деньги были уплачены, время было выиграно.

По Тихому океану почти до самых Сандвичевых островов плыли благополучно. Только за день до прибытия к островам захватил сильнейший шторм, и повара так укачало, что никто не решался попробовать приготовленного им в состоянии болезни супа.

Филеас Фогг был в унынии.

— Дорогой мой, — сказал он Паспарту, — если я не съем сегодня супа, я потеряю 152 калории. Нельзя ли предотвратить это несчастье?

Паспарту думал недолго. Пошел на кухню, уложил повара на кровать, сам приготовил борщ. Борщ вышел на славу, и даже капитан судна приходил к Филеасу Фоггу и спрашивал:

— Где вы достали такого элоного человека, сэр? Он — англичанин?

— Почти, — уклончиво ответил Филеас Фогг. — Я отыскал его на предгорьях одной из английских колоний.

6.

В Гонолулу мистер Фогг был поражен не на шутку. Когда пароход ошвартовался, Паспарту, стоявший у борта, вдруг вскрикнул и яростно замахал платком.

— Петя, ты? Не может быть!

— Ваня! Какими судьбами?

— Из Калифорнии вокруг света еду! А ты как здесь? С каких пор?..

— Из Феодосии — прямо. Ну и сюрприз! Как жена удивится! Ты один? Слезай скорее, сходни поставили!

— Паспарту, — сказал Филеас Фогг, трогая за плечо Ивана-Петрова-Заде-Агу. — С кем вы беседуете?

— С туземцем, сэр, — ответил радостно Паспарту. — Мы с ним большие приятели. Быть может хотите, сэр, опять посмотреть, как живут местные жители?

— Я согласен, — задумчиво ответил Филеас Фогг, с завистью глядя на Петрова-Заде-Агу. — Но скажите пожалуйста, Паспарту: вы не совершали раньше двадцати или тридцати поездок вокруг света?

— Девятый год непрерывно ездю, сэр, — скромно ответил Паспарту. — У нас тоже, ведь, как и у вас, есть географическое общество... Только число действительных членов в нем чересчур велико: два миллиона человек, не считая родственников.

Филеас Фогг вздохнул. Он не понимал до сих пор, кто же такой, наконец, этот загадочный Паспарту. Но сознаться в

незнании того, где находится Горская республика, Филеас Фогг не мог. Для этого он был слишком известный географ.

7.

С Паспарту Филеас Фогг ехал, к сожалению, только до Китая. В Шанхае в одно прекрасное утро, получив жалование за месяц в размере 300 фунтов, Паспарту вдруг исчез, оставив Филеасу Фоггу записку, в которой говорил, что покидает патрона, обещает зайти к нему в Лондоне на квартиру и объяснить там подробно причину ухода. Филеас Фогг впал в уныние. Он так привык к Паспарту, к его обширным знакомствам на земном шаре, к его умению объясняться со всеми туземцами, расспросить — по какой улице идти, за какой угол завернуть, — что вначале на почтенного географа напала хандра. Однако, до конца срока оставалось всего 47 дней.

Кое-как поборов уныние, Филеас Фогг проехал в Бомбей, оттуда на слонах и верблюдах в Мекку, добрался до Порт-Саида, перекочевал в Тунис и через Гибралтар вернулся в Лондон ровно через 80 дней, считая и один пропущенный день из-за вращения земли вокруг собственной оси.

Било 10 часов 30 минут по Гринвичу, когда в зал заседания Лондонского географического общества открылась дверь, и на пороге появился Филеас Фогг...

8.

В тот же день мистер Фогг случайно встретил Паспарту на Дауниинг-стрит.

— Паспарту, вы?

— Я, сэр.

— Каким образом? Давно?

— Уже около месяца, сэр. Открыл здесь лавку, обзавелся квартирой. Женился, сэр. Все благодаря вашему жалованию. Большое спасибо.

— Паспарту! — побледнел Филеас Фогт, схватывая Петрова-Заде-Агу за руку. — Как же так? На месяц раньше меня? Почему вы бежали от меня, Паспарту?

— Сэр, — искренне произнес Паспарту, пожимая руку джентльмена, — не сердитесь. Но скажу вам правду: уж очень вяло плелись мы с вами по земному шару. Члены *нашего* географического общества, сэр, не привыкли к такой медлительности!

НА КЛАДБИЩЕ

Кладбищенский сторож Мирко решил отпраздновать сочельник.

Приглашенных было всего три человека: могильщик Милош и кучер из белградского бюро похоронных процессов Светозар с женой. Жена Светозара, однако, испугалась разыгравшейся к вечеру вьюги, не пустила мужа. И весь вечер Мирко просидел у себя в сторожке вдвоем с Милошем, усиленно угощая приятеля сладостями и подливая в его стакан сербской водки — ракии.

Он любил этого доброго малого — Милоша за его мрачный нелюдимый характер, а главное за то, что с ним не нужно было много говорить. Так же, как и Мирко, Милош отлично понимал, что этом мире все ясно без слов: и жизнь и смерть и, в особенности, похороны.

— Ишь, воеет, проклятый, — пренебрежительно сказал, наконец, Мирко, кивая в сторону занесенного снегом окна и поднося стакан с ракией к губам. — Как будто у него кто-то умер.

— Ээх... — выбранился Милош, оскорбив в брани солнце, а попутно с солнцем луну и мелкие звезды. — Хотел бы я его, бездельника, поймать и закопать в землю. Не дул бы! Твое здоровье, Мирко.

— Твое. Сколько вчера за купца получил?

— Сорок.

— Мало, брат. Очень мало. В промерзлой земле да со снегом наверху — сорок, а? Разбойники! Стыда у нынешних покойников нет. За какую-нибудь поганую комнату, где из окна дует и стены прогнили, платят, небось, сколько хозяин спросит. А вот могильщику, за отличное помещение до конца мира, каких-нибудь двадцать динар прибавить жалко. Милош, что за люди теперь умирают, а? Стоят они того, чтобы их глубоко закапывать?

Мирко негодуяще плюнул, встал, покачиваясь, пошел к двери.

— Идет снег?

— Перестал.

В сторожку ворвался ветер, радостно взвизгнул, почувствовав тепло, и бросился к печке, стараясь укрыться в испуганных углях. Мирко недолго пробыл на воздухе. Вернувшись назад, он молча налил стакан, выпил содержимое сосредоточенно, с достоинством, как всегда; но Милош заметил в лице друга что-то новое: не то озабоченность, не то тревогу.

— Что-нибудь случилось, Мирко?

— Ничего...

— Может быть, покойники ходят?

Мирко вздрогнул, угрюмо опустил взгляд.

— Нет.

— А я на днях видел мертвого войника, — начал снова Милош. — Вожусь я перед вечером около памятника доктора, знаешь, — которого Светозар в мае так удачно в день моей славы привез. Вдова к праздникам ремонт решила сделать. А там ведь конец кладбища, поле, далеко все видно. Так, вот, только что кончил я курить, огляделся — кругом никого — взялся за молоток. И вдруг вижу — со стороны поля, совсем близко ко мне — человек! Не было никого до самого Джерама — и вдруг идет. В тридцати шагах... Что с тобой, Мирко? Нездоровится?

— Что-то холодно стало. Выпьем еще, Милош.

— Спасибо. Так, вот, стою я, бросил работу, смотрю. А он увидел меня, как будто даже испугался сначала, но потом надвинул на лоб меховую шапку и быстро прошел мимо.

— Сказал что-нибудь?

— Да. «Лаку ночь».

Мирко снова вздрогнул. Положил локти на стол, покачал головой и печально, чуть слышно, пробормотал:

— Плохо это, Милош. Ой, как плохо!

— А что?

— Умрем мы с тобой, Милош, в этом году, вот что.

Мирко вздохнул, искоса взглянул на дверь, продолжал:

— Для человека нет хуже, Милош, как слышать от покойника «лаку ночь» или «приятно спавати». Старый сто-

рож Милан сам учил меня, как нужно с мертвецами обращаться, когда они поднимаются из могил. Видеть их одними глазами — не опасно. Это даже приносит удачу, в особенности если они без одежды, в одном только скелете. Но не дай Бог, с мертвецом заговорить или услышать приветствие. Одно средство спастись от смерти в этих случаях — бросить вдогонку комок мягкой земли, чтобы комок рассыпался в воздухе, и три раза произнести: «чекай-почекай, чекай-почекай». А не успеешь сказать и бросить, — конец. Тут у нас, говорят, несколько человек так перед войной пропали: мертвецы в могилу затащили, а в какую — никто до сих пор не знает.

Мирко помолчал и вдруг таинственно наклонился к Милошу.

— Милош... — прошептал он, беря друга за руку, — я видел его. Сейчас...

— Кого? Вчерашнего купца?

— Нет. Твоего войника. Стою возле дороги, оглядываюсь — и вдруг проходит. Хотя быстро исчез в темноте, однако успел, проклятый, сказать: «Лаку ночь».

Обреченные Мирко и Милош с отчаянием пили до глубокой ночи. Пили жестоко, ничем не заедая, ни о чем не говоря друг с другом. Они отлично понимали, что перед лицом близкой смерти все сожаления излишни, что самый лучший способ использовать остаток жизни — забыть о конце. И только около трех часов пополуночи Милош, едва держась на ногах, собрался, наконец, идти в свой барак, находившийся на шоссе. Мирко же, не отпуская дорогого гостя, опустил в карман пальто бутылку вина и решительно заявил, что пойдет провожать.

Снег уже перестал падать. Порывистый ветер разогнал в небе тучи, звезды горели особенно ярко. И Милоша, при виде этого неба, охватила тоска. Звезды показались такими прекрасными! Стало так жаль покидать землю, и этот

нарядный снег, обнявший кресты, и даже надоедливый ветер, который все же говорит сейчас на ухо, что Милош пока жив, и что жизнь — самое лучшее, что есть в этом мире.

Звезды смотрят оттуда и, как будто, заплаканы некоторые. Хотят сбросить с ресниц набежавшие слезы. Но кто его знает, глаза это или свечи на панихиде? Может быть, зажглись они потому, что сейчас Милошу будут петь «вечную память»?

— Куда, брат? — раздался голос Мирко. — Держи правее! Эх, ты...

Мирко шел сзади, с трудом извлекая сапоги из глубокого снега. Слышно было, как он тяжело дышит, стараясь свободно владеть ногами. Вот уже кресты стали попадаться реже и реже. Старая часть кладбища пришла в ветхость; над многими могилами совсем нет крестов. А Мирко, поступивший на службу недавно, знал этот заброшенный участок плохо.

— Милош! Не видишь?.. Открытое поле! Иди направо, дьявол! Нет! Не могу. Подожди, Милош. Сядем здесь... Какая жара! Хочешь вина? Садись! Может быть, и не умрем. Врет Милан, старый осел. Даю слово, врет. Ты сел? Пей... Куда смотришь? Милош!

— Псс!..

— Что с тобою?

— Псс!..

Мирко смолк. Насторожился. И почувствовал, как внутри в нем что-то, будто, порвалось. Точно чья-то рука схватила сердце и сжала.

Вблизи, совсем вблизи, где-то тут, рядом, на открытом пустом месте, вдруг запел невидимый хор!

Спокойно мерцали в небе звезды, спокойна была открывавшаяся впереди снежная даль. Даже ветер стих, точно прислушиваясь. А хор громко пел, и печальные звуки то затихали, уходя вглубь земли, то поднимались к поверхности снежного савана, говоря о тоске, о страданиях душ, об утерянной жизни...

Так не могли петь простые люди. Но неужели так прекрасно поют мертвецы?

Как мучительно медленно тянулось время! Наверху, точно ступая за невидимым катафалком, торжественной процессией поднимались с востока звезды. Ветер совсем стих, но мороз усилился: кто-то открыл настежь двери в ледяное мертвое небо. Хор умолк. Стало тихо — ни малейшего шороха. Слышно даже, как вдали, наверху, от боли стонет, сорвавшись с неба, звезда.

— Мирко! Что это?

— Милош!

Мирко хотел вскочить, побежать. Но Милош впился в руку.

Впереди — шагах в двадцати — что-то скрипнуло. Зашевелился снег, раздался грохот. И из земли стала подниматься фигура.

— Это он... — зашептал Милош.

— Войник!

Фигура выросла над землей во весь рост, отряхнула с себя снег, ударила одной рукой о другую и страшным прерывающимся голосом, точно разучившись на том свете говорить по-сербски, воскликнула:

— Ла... ку... ночь!

Она сделала в сторону два неверных шага. Остановилась. И вдруг за нею начала расти вторая фигура. Затем третья... Четвертая...

— Лаку ночь! — повторили с жутким смехом замогильные голоса. — Приятно спавати! С Богом!

— Чекай-почекай, чекай-почекай, чекай-почекай... — зашептал скороговоркой Мирко. — Бежим!

— Чекай-почекай, чекай-почекай... Не могу... — стучал зубами Милош.

Внезапный порыв ветра вдруг качнул обоих. Точно в погоне друг за другом, по небу побежали новые тучи. Померкли звезды, замелькали снежинки. Опять загудела, зашвистала метель, перемешав небо с землею, воздвигнув в воздухе белую стену. А среди стонов и плача бури слышен был безжалостный смех поднявшихся из гроба фигур, которые окружили Мирко и Милоша, увели их к тому месту, из которого вышли, и вместе с ними медленно стали про-

валиваться в землю.

Под утро вьюга прошла. Показались звезды, поднялся рог луны, возвещая близкий рассвет. А вокруг простиралась гладкая, ровная пелена снега, и только из того места, где исчезли Мирко с Милошем, поднимался к небу голубой дым.

Я написал это вовсе не потому, что хотел напугать детей или развлечь взрослых. Мне хотелось просто вспомнить о факте, сделавшемся предметом судебного разбирательства.

В белградском «первостепенном суде» имеется дело за № 2243 о русских беженцах Иване Чепуркове, Федоре Касякине и Дмитрие Лопуненко, обвинявшихся в осквернении могилы умершего в 1898 году адвоката Ивановича, в склепе которого означенные беженцы прожили три месяца с 21 сентября по 25 декабря и в каковом были, наконец, обнаружены кладбищенским сторожем. Суд, рассмотрев дело, обвиняемых оправдал, а присутствовавшая публика и сами судьи собрали между собой 983 дин. 30 пара для уплаты за помещение беженцев в городе.

Вот и все. А страшного ничего не было.

ИЗ МИРА НЕЯСНОГО

Нас собралось в сочельник всего только трое. Однако, так как моя беженская комната по размерам очень скромна, то собрание сразу же вышло людным. На деревянной полке возле кровати уютно стоял рукомойник с воткнутой в него хвойной веткой. Это была елка. На небольшом столике, со сдвинутыми в сторону рукописями, лежали тарелки с компотом и рисовой кашей. Это были кутья, взвар. И, наконец, в углу, где растопырилось обитое ситцем хозяйкино кресло, таинственно дымила железная печь. Это был рождественский камин.

— Хорошо! — сидя после ужина на стуле и приятно жмурясь, протянул я скрючившиеся пальцы к огню. — Теперь бы, господа, по чашке кофе, ликера, святочных рассказов. Николай Николаевич, хотите чаю?

Николай Николаевич молча сидел на почетном месте в хозяйском кресле и загадочно смотрел на нас, когда мы с Владимиром Ивановичем приступили к воспоминаниям о всех таинственных случаях из далекого прошлого. Правда, моя прежняя жизнь, до воплощения в эмигранта, не особенно богата таинственностью. Около десятка небольших совпадений, три вещи сна, из которых два, к сожалению, не оправдались, одно привидение, виденное мною в имении у тетки в Тамбовской губернии... И все. Но зато у Владимира Ивановича и прошлая и нынешняя жизнь — не жизнь, а сплошной спиритический сеанс.

— Николай Николаевич, — заметив, что после рассказа о восемнадцатом привидении Владимир Иванович значительно обессилел и тяжело стал дышать, обратился я к загадочно молчавшему нашему другу. — А как у вас? Были случаи?

— Нет!

Он сказал «нет». Но сказал это с такой болью в голосе, что мы оба сразу насторожились. Что случилось? Отчего такое странное «нет»? Не хранит ли Николай Николаевич

в своей душе гнетущую тайну?

Уговаривать пришлось долго и много. Но, к счастью, наступила полночь. В соседней комнате хозяйские часы таинственно пробили двенадцать...

И Николай Николаевич сдался.

— Что касается привидений и духов, господа, — задумчиво начал он, размешивая ложкой сахар, — то должен сознаться: в этой области мне всегда не везло, хотя в душе своей я большой мистик, а по убеждениям ярый спирит. Могу сказать, что не только целого призрака, но даже небольшой материализованной руки или ноги — и то мне ни разу не удалось где-либо увидеть. На спиритических сеансах, когда начинаются стуки, первые слова почему-то всегда обидно направлены против меня. «Пусть он уберется», или «гоните его в шею», — вот обычные приветствия по моему адресу, на которые я даже перестал, в конце концов, обижаться. Из всех духов ко мне прилично относился только один Николай Кузанский, который говорил, обыкновенно, деликатно и вежливо: «Дорогой тезка, покинь сейчас же сеанс». Все же остальные, в особенности полководцы, непристойно грубы и несдержанны. Александру Македонскому, например, я никогда не забуду его оскорбительных выпадов в присутствии дам. А Наполеон... Впрочем, сами знаете: *De mortuis...* Черт с ним, с Наполеоном! Не в этом дело, конечно.

Патентованные медиумы тоже сильно недолюбливали меня. В Петербурге, например, нередко проводил я время в волосолечебнице на Невском, где знаменитый Гузик давал сеансы со своим материализованным медвежонком. И каждый раз, когда я приходил, Гузик хмурился, брался за голову:

— Сегодня не выйдет.

И, действительно, не выходило. Как ни старалась сидевшая возле меня генеральша громко петь «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке», как ни пытались подтягивать ей директор департамента и член совета министра внутренних дел — все напрасно. Выскакивавшая из-за занавески гитара, которой полагалось за десять рублей самой играть

на себе, при виде меня замирала на первом аккорде, беспомощно валилась на пол. Детская дудочка, обязанная тоже по мере сил издавать звуки, упрямо молчала, недовольно ворочаясь с боку на бок в полутемном углу. И сам материализованный медвежонок в случае редкого своего появления старался держаться от меня как можно подальше и панически отскакивал, когда я с научной целью протягивал руку к его мохнатому уху.

Так было все время. И в провинции, где я начал свою службу по окончании университета, и в Петербурге, куда меня перевели незадолго до революции. Пока, наконец, не повезло, вдруг...

Николай Николаевич слабо улыбнулся. По хмурому лицу скользнуло нечто вроде чувства удовлетворения.

— Наклевывалась, действительно, странная, жуткая история. Приехал я в Петербург после перевода и сразу же решил обзавестись своим хозяйством. Хотя я и холостяк, но тогда были у меня верные друзья: старый лакей Егор и любимец мой — сеттер Джек.

Квартиру я нашел по объявлению в газете: ее передавала до окончания срока контракта какая-то дама. Эта женщина сразу произвела на меня странное впечатление: лицо бледное, изнуренное, глаза впалые, с лихорадочным блеском. И движения — нервные... Во время передачи квартиры, просматривая контракт, я из простой учтивости, чтобы что-нибудь сказать, спросил:

- А вы совсем уезжаете из Петербурга, сударыня?
- Да... — смутившись, опустила она глаза. — Совсем.
- И не жаль?
- О, нет! Ничуть.

Кто была она, я не знал. Передача квартиры происходила поспешно, швейцара я не догадался спросить, а Егор был человеком нелюдимым, апатичным, ненавидящим излишние разговоры и знакомства с соседями. Переехали мы из гостиницы в квартиру, предварительно обмобилировав ее, прожили в ней около десяти месяцев тихо-мирно. И в это время я особенно упорно увлекался спиритизмом, несмотря на все неудачи. По вечерам вы никогда меня не за-

стали бы дома: то я в волосолечебнице с Гузиком, то у кого-нибудь на сеансе слушаю брань от Помпея, то ночью, наконец, в таинственном доме где-нибудь на Каменном острове, тщетно ожидая появления призрака.

И вот однажды управляющий дома извещает, что при возобновлении контракта повысит цену на пятьдесят процентов.

Посоветовавшись с Егором, решил я перебраться с квартиры и через месяц жил уже на Петербургской стороне. Новая квартира была значительно просторнее, дешевле, и все было бы хорошо, да к сожалению, Егор получил из Армавира письмо от большого сына, попросился в отпуск, уехал. И я остался один.

Вдруг, однажды, странная встреча:

Выхожу из партера в Мариинском театре к вешалкам. Только что кончилось «Лебединое Озеро». Жду в сторонке, пока станет свободнее, так как не люблю толкотни. И вижу — знакомое лицо. Пристально смотрит на меня какая-то дама: глаза испуганные, на щеках бледность.

— Мсье Черняков?

— Да... Ах, это вы! Простите. Не узнал сразу.

— Да, да. Понимаю. На вашем месте я бы тоже сделала вид, что не узнала. Но вы сами посудите, мсье Черняков: как мне было поступить с квартирой иначе?

Она умоляюще смотрела на меня, нерешительно пробуя улыбнуться, чтобы вызвать улыбку и на моем лице. Но я стоял, широко раскрыв глаза, ничего не соображая.

— А... в чем дело, сударыня?

— Вы меня спрашиваете — в чем? Воображаю, сколько раз вы посылали проклятия по моему адресу! Скажите только искренне: разве я, в конце концов, виновата? Не мой же дом, в самом деле! И те жильцы, которые передавали квартиру мне, тоже ничего не сказали... Кстати: как он себя вел?

— Кто, простите?

Виноватая улыбка вдруг сошла с лица собеседницы. Она пытливо посмотрела на меня, стараясь угадать — естественно мое изумление или нет. И тихо спросила:

— Ведь вы же переехали оттуда, правда?

— Да.

— Вот то-то и оно. Впрочем... Все равно. Да, да. До свиданья. Муж ждет: получил манто... Всего хорошего, не сердитесь же!

Взволнованный, встревоженный, я вернулся домой под впечатлением встречи и, наспех поужинав, лег. Опустив на одеяло взятое для чтения на ночь капитальное исследование Аксакова «Анимизм и спиритизм», я мучительно стал вспоминать, что было странного на моей старой квартире, перебрал все мелкие факты, все свои настроения... И вдруг, наконец, радостно вспомнил:

Случай с Полугоревым! Да! Как это я не сообразил тогда?

Сергей Сергеевич Полугорев был моим соседом по имению в Лужском уезде, — после некоторого молчания продолжал Николай Николаевич. — Мы с ним встречались редко, никогда не переписывались, но, как бывает иногда между друзьями юности, страшно рады бывали друг другу при встрече. Как-то раз, когда я жил еще на старой квартире, он приехал в Петербург по срочным делам и на следующий же день утром должен был уехать обратно. Мы обедали вместе, весь вечер провели тоже вместе. Сначала в волосолечебнице на сеансе, потом у меня. Засиделись до глубокой ночи, горячо спорили о медвежонке Гузика. И я предложил:

— Оставайся, брат, у меня.

Сергей Сергеевич согласился, но с непременным условием: что теперь же поспрашивается, чтобы не будить меня утром. Прислуга постлала ему постель в кабинете, откуда на эту ночь, во избежание блох, изгнали бедного Джека. И, распростившись с приятелем, я ушел к себе в спальню, разделся, заснул.

А ночью, вдруг, просыпаюсь от неожиданного резкого толчка.

— Коля! Колька! Проснись же! Это ужас! Кошмар! Я не могу спать там!

Лицо его было страшно: мертвенная бледность, растерянность... Но я, не приходя в себя, приподнялся в постели, недовольно спросил:

— Неужели Джек? Я же просил запереть... Свинство!

И, не ожидая ответа, чтобы не спугнуть сна, всунул ноги в туфли, направился к кабинету:

— Ложись, в таком случае, на мою. А я — туда... Спокойной ночи!

Полугорев исчез рано утром, когда я еще спал. Что случилось с ним ночью, я так и не узнал, да и не догадался узнавать: уверен был, что виною Джек со своими блохами. Но теперь — после слов дамы — ясно: дело не так просто. В кабинете, действительно, могли произойти с Сергеем Сергеевичем какие-нибудь странные вещи...

К сожалению, беспокойная столичная жизнь не позволила мне написать Полугореву. Я потерял его из виду, до сих пор не имею о нем никаких сведений. Даму тоже никогда не встречал нигде. А тут вспыхнула революция, я лишился места, уехал на юг. И до зимы 17-го года ничего не мог узнать о своей таинственной квартире, пока случайно не встретил в Ростове Егора. Со стариком я не виделся с тех пор, как он уехал от меня в отпуск.

Николай Николаевич хотел сделать небольшой перерыв, взялся было за чай. Но мы не позволили:

— Потом выпьете. Дальше!

— Ну, вот... Сажу я как-то на ростовском вокзале в ожидании поезда на Новочеркасску, — грустным тоном стал приближаться к развязке Николай Николаевич. — Вам, конечно, известно, какой вид тогда имели вокзалы. Всюду — тела, шинели, узлы. В зале первого класса то же самое, что в зале третьего... Стою я над своим чемоданом, стерегу, чтобы никто не стянул. И вдруг знакомый изумленный голос:

— Это вы, барин?

Мы обрадовались друг другу, точно родные. Обнялись, расцеловались. После дружного возмущения всем происшедшим в России перешли на воспоминания о совместной петербургской жизни.

— Между прочим, Егор, — придав голосу небрежный веселый тон, свернул я наконец, на тему, которая мучила меня целый год со дня встречи с дамой в театре. — Ты помнишь нашу квартиру в Литейной части?

— А как же, барин, не помнить! Хорошо помню.

— Ты что-нибудь в ней замечал такое... Таинственное?

— Как не замечал! Хо-хо! Еще бы. Я из-за этого самого нередко на лестницу спать уходил. Житья не было. Прислуга-то у нас, не помните разве, больше недели никогда не держалась, сбегала. Несколько раз хотел я, было, вам доложить. Но все как-то воздерживался. А что по ночам творилось в квартире, — не приведи Господи!

— А что творилось? Например?

— Да, вот, помню случай... под Рождество. Ушли вы, Глаша тоже в гости отправилась. Иду это я в спальню, чтобы постель вам сготовить... И вдруг...

— Первый звонок! Поезд на Армавир, Минеральные воды, Петровск, Баку! — стараясь покрыть общий гул голосов, заревел в вестибюле по старой привычке швейцар.

— На Армавир? — испуганно воскликнул Егор, бросаясь к лежавшей на полу корзине. — На Армавир — это нам. Прощайте, барин! Счастливо оставаться! Эй, Никита, стой! Марья! Куда? Налево! Уберите вы ноги, черти проклятые!

Николай Николаевич смолк. Печально вздохнул, опустил голову. И жутким молчаньем дал понять, что рассказ о потустороннем мире окончен.

СОЧЕЛЬНИК В БУДУЩЕМ

За эмигрантские годы много любопытных рождественских рассказов наслышался я.

Сидишь в сочельник в кругу добрых друзей и знакомых, смотришь на скромную елку, а кто-нибудь из присутствующих, у кого память побогаче и воображение посвежее, начинает вспоминать исключительные случаи из прежней жизни в России.

Чего только не бывало тогда!

Дед одного из рассказчиков заблудился в своем собственном имении и, умирая в лесу, оставил подробный дневник, который через двадцать лет был найден в животе убитого дикого кабана.

Дядя другого охотился в своих владениях по желанию: то на белых медведей, то на львов. Смотря по тому, куда направлялся с собаками: к северной границе имения или к южной.

А елки у всех в детстве были только гигантские: высотой метров в десять, пятнадцать. Свечей зажигали при пошатнувшихся делах одну тысячу, при улучшении обстоятельств — две. Чтобы прикрепить звезду к вершине елки, специально звали из местного цирка акробата.

Слушая все эти воспоминания и охотно веря им, чтобы не разрушать иллюзий у сидящих вместе с нами детей, я, однако, не раз задумывался относительно далекого будущего: «А что начнут вспоминать эмигранты в сочельник там, в России, когда большевизма в помине не будет и когда нынешние молодые люди сами станут почтенными, убежденными сединами рассказчиками?»

Можно вообразить, до чего дело дойдет!

Зажгут елку. Усядутся взрослые поодаль, в кресла. Дети повернутся, покружатся в танцах, а затем начнут приставать:

— Дедушка, расскажи, что ты делал, когда был этим самым... беженцем?

Дедушка, который после переезда из Константинополя во Францию кроме завода Рено и погреба Феликса Потена никаких других страшных приключений не испытывал, конечно, не захочет ударить лицом в грязь.

— Ну, что ж вам рассказать, дети мои? Про боа-конструктора, что ли, в желудке которого нашли мемуары моего друга Незнамова? Или, может быть, про карликовую елку, которую мы зажигали на льдине в Баффиновом заливе?

— Все равно, дедушка. А ты разве бывал в Баффиновом заливе?

— Эх-хе-хе, деточки, где я не бывал только! — загадочно вздохнет дедушка. — Про Попокатепетль слышали, наверно? Так вот, на вершине Попокатепетля мы в тысяча девятьсот двадцать пятом году Новый год вместе с казачьим хором встречали. Сидим ужинаем, а над головой каждого из нас огни святого Эльма горят. Светло, как днем. Или, помню, сочельник тысяча девятьсот двадцать девятого года. Жили мы тогда на берегу Индийского океана в огромной пещере... Хорошая пещера была, со всеми удобствами — со сталактитами да сталагмитами. Срезали мы к празднику морскую сосну, прикрепили к двум бревнам, чтобы крепко держалась, украшения на ней всякие развесили, зажгли свечи. И вдруг землетрясение. Отломилась скала, волны нахлынули, и все мы — в открытом море. Наша елка плывет, свечи горят, украшения сверкают, а мы держимся за бревна, гребем, страшные рассказы друг другу рассказываем. Да, хорошее было время, детки, хорошее. А вот расскажу я вам одну страшную историю из своей жизни в Париже. Хотите? Приехал я туда из Марселя в международном поезде, но не внутри, как все, а снаружи, прицепившись к оси вагона первого класса. Приехал, стал искать работу, а работы нет да нет. Хочу разыскать своего старого друга адвоката Степанова, но адреса тоже не знаю. Ходил я так по столице мира месяц, другой, третий, из гостиницы уже давно меня за неплатеж выгнали, ночью где придется: под мостом, на барже, в метро, на вокзале... И наскучило мне так без определенного места жительства болтаться. Давай, думаю, в каком-нибудь учреждении по-

стоянный ночлег устрой. Обошел я местные церкви, при-
смотрел было одну будку-исповедальню, но не решился:
стыдно стало такого кощунства. А тут как раз вижу на Боль-
ших Бульварах — прекрасный музей восковых фигур, по на-
званию Гривен. Собрал я свои последние франки, запла-
тил за вход и начал помещение осматривать: где бы постель
приготовить.

И вот внизу, в подвальном помещении, где представле-
на жизнь первых мучеников-христиан, прекрасное место
нашлось. Шикарное помещение, большое, просторное, с
освещением и с отоплением. Изображало оно римский цирк
со львами и тиграми, терзающими несчастных людей, и от
коридора отделялось высокой решеткой. Улучил я момент,
когда в коридоре никого не было, перемахнул через решет-
ку, лег у стены среди других христиан и наслаждаюсь уют-
том. А по коридору в это время опять публика задвигалась.
Дамы, мужчины, дети... Смотрят сквозь решетку на меня,
на других, охают, плачут. А я лежу, лежу да и заснул нако-
нец. Тепло, светло.

И вот, представьте, просыпаюсь ночью и слышу: неда-
леко от меня глухое ворчание. Музей давно заперт, свет по-
тушен, кругом ни зги. И вдруг кто-то живой совсем неда-
леко...

Волосы, милые мои, сразу же дыбом стали на голове.
По спине побежали мурашки. Ноги не движутся, по лбу
катится холодный пот... Зажег я дрожащей рукой спичку,
оглядываюсь и вижу: поднимается из другого угла цирка
мертвый христианин, громко зевает, приближается ко мне
и, глядя в лицо, говорит человеческим голосом:

— Вы кто: тоже русский?

— Саша! — кричу я. — Неужели это ты? Степанов?

— А как же... Батюшки! Володя! Какими судьбами?

— Вот, дети, какие истории со мной нередко случались,
— закончит свой страшный рассказ будущий дедушка. —
Вам, малышам, конечно, не понять, как жили отцы. Но ес-
ли не верите, спросите дядю Алешу: он вам и не то про свои
приключения расскажет!

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

Настала дождливая ночь. На бийанкурской набережной, в предместье Парижа, у красного двухэтажного дома, в котором помещается «бюро д'анбош», безлюдно. Тускло светится мокрая мостовая, вздрагивая отблесками газовых фонарей. Над обрывом у Сены жалобным гулом переговариваются высокие тополя, вереницей направляющиеся к севрскому мосту. За черной полосой будто куда-то провалившейся реки застыл хмурый остров, окутанный сетью оголенных деревьев.

Ветер уже с раннего вечера злобствует: рвет в пыль мелкие капли дождя, бросается рябым лицом в холодные выбоины, взбирается на тополя, угрожая кому-то сухими сучьями и изнеможенно вдруг падает в реку, разбегаюсь змеями к далеким зеленым огням.

На дырявых сваях старой пристани, под которой в невидимой воде глухо о чем-то ворчит баржа, сидят две белые тени. Дождь и ветер не производят на них впечатления. Одна плотно укуталась в саван, не движется. Другая распахнула покрывало, разложила на коленных чашках план Парижа, внимательно разглядывает улицы.

— Ну что: нашел адреса?

— Плохо дело. Очень плохо. Всего две, три квартиры, не больше.

— Вот то-то и оно. Я тебе говорил. Да разве у наших православных теперь есть нежилые дома? Все набито битком. Будь мы с тобой иностранные духи, тогда дело другое. Иностранному духу есть где погулять, погрехотать. А нам? Попробуй-ка залезть во французскую квартиру — католические духи мигом — в шею. Нет, ты как хочешь, а я никуда не пойду.

— Но ведь сегодня рождественская ночь, брат мой! Сегодня, согласно обычаю, мы обязаны пугать православных!

— Мало ли что обязаны... А как? Возьми хотя бы консьержек. Одни они и то обратно в гроб вгонят. Ведь ходил же я

в прошлом году пугать Иванцова. А что вышло? До половины лестницы не добрался, весь дом переполошил, едва ноги унес. Разве можно, чтобы в одном доме да столько народа? Вот у нас, в России, действительно, помню, раздолье. Одна небольшая семья, человека три-четыре, а комнат — пятнадцать. И удобства какие! Скрипучая лестница, сверчки на печи, мыши, тараканы, ржавые петли у ставень... Чего только не было. А тут? Нет, что касается меня, то заберусь я лучше на ночь куда-нибудь в пустой ресторан, да тихонечко просижу до утра. Есть здесь уютные русские столовые: сиди хоть круглые сутки, никто не заметит.

— А я все же пойду. Хоть и трудно, но не могу. Русским людям праздник не в праздник, если их не припугнуть.

Ветер продолжал свистать и улюлюкать на набережной. Дождь бил в лицо, в фонари, в дома, куда придется. Деревья по-прежнему гудели, вздымая к небу молящие руки.

А по мостовой, в сторону Парижа, уныло брела мокрая белая фигура, жалобно звякая по асфальту ржавыми железными цепями.

В комнате у Пончиковых давно темно.

Легли после скромного сочельника рано, так как завтра обычный трудовой день. Спит усталая Ольга Ивановна, видя во сне мережки. Тяжело дремлет Степан Александрович, которому снится, будто попал он в Советскую Россию и никак обратно не может выбраться. Крепко уснул малолетний сын Митя, утомленный исключительными событиями минувшего вечера.

— О-ох! — раздался в дверях тяжелый стон. — Ох!.. Дззз... Грр!

Зазвенели ржавые цепи. Высокая белая фигура неуклюже продвинулась к свободной стене. Ударившись ногой об угол шкапчика, подошла к кровати Пончиковых.

— Степа!

— Ыы?..

— Степа! Кто это пришел?

— Чекист? — испуганно вскрикнул, вскакивая, Степан Александрович.

— Привидение... Степа! Смотри!

— Привидение? Слава Богу... Чего же ты напрасно пугаешь, Оля?

Степан Александрович облегченно вздохнул, искоса взглянул на призрак, опустил голову на подушку.

— А я думал, из ГПУ... Ложись, спи. Не обращай внимания.

— А если вор? Если пальто украдет?

— Да какой это вор? Призрак! Совершенно прозрачный.

— В самом деле. Прозрачный. Боже мой, Боже мой! В половине седьмого вставать, а тут еще призраки!

Ольга Ивановна зевнула, устало закрыла глаза, повернулась на бок.

— Оох!.. — снова раздался стон, а затем звон. — Дззз... ггрр!

Привидение колыхнулось, двинулось с места. Протиснувшись между камином и креслом, навалилось на стол, с которого покатился стакан.

— Тяжело мне без отдыха носить кандалы! — послышался глухой замогильный голос. — Тяжко, люди, мне, тяжко!

— Ну, ну! — пробормотал во сне Степан Александрович. — Пошел вон!

— Убили в шестнадцатом веке... По приказу царя... не похоронили нигде...

— Вот еще надоел! — зашевелилась на кровати сонная Ольга Ивановна. — Степа, ткни его чем-нибудь. А то не отстанет.

— С тех пор блуждаю... Нет покоя, пристанища. Горе мне!

Привидение молча постояло еще некоторое время, провело рукой по голове Ольги Ивановны, дунуло в лицо Степану Александровичу. Затем, не добившись ничего, направилось к детской кровати, сердито сдернуло с Мити одеяло.

— Проснись хоть ты... дрянной мальчишка! Я здесь!
— А кто? — обиженно открыл глаза Митя, натягивая на себя одеяло.

— Я, привидение! Ууу!

— А что такое привидение?

— Призрак я! Бездомный! Убили в шестнадцатом веке.

— А что такое призрак?

— Дух! Бесплотный дух. Нет покоя нигде. Блуждаю!

— А что такое бесплотный?..

Митя не договорил, закрыл глаза. Загрохотали в ответ цепи, запрыгала на месте разгневанная фигура. А из-за стены послышались возмущенные голоса, раздался энергичный стук в перегородку:

— Дю кальм, силь ву плэ! Силанс!

Воротилов еще не ложился. Сидел у стола, с увлечением вычерчивая изобретенный им аппарат, на который предполагал взять патент. Изобретение должно было предохранять пешеходов от автомобилей и представляло собой легкую металлическую сетку с резиновыми буферами с четырех сторон.

Перспективы были чрезвычайно заманчивы: себестоимость 800 франков, продавать можно за 2.000, комиссионных — 40 процентов, чистого дохода 400. Если из всех пешеходов мировых столиц аппарат приобретут только два процента, и то получится не меньше миллиона. Значит, четыреста на один миллион — 400 миллионов.

— Ки э ла? — удивленно спросил Воротилов, оборачиваясь. В коридоре, возле дверей, он ясно услышал громыханье цепей и тяжкий вздох.

— Иван Николаевич, вы?

Вздох повторился. Воротилов подошел к дверям, распахнул.

— Кто здесь?

В темном коридоре неподвижно стояло привидение огромного роста, испуская таинственный фосфорический свет.

— Призрак? — деловито спросил Воротиллов, с любопытством всматриваясь в фигуру.

— Привидение... — мрачно кивнув головой, ответил Дух.

— Ко мне? Или к соседям?

— К тебе.

— В таком случае, антрэ!

Воротиллов любезно посторонился, пропустил привидение. Пока Дух располагался у стены, в мозгу Воротилова уже шла лихорадочная работа. Предохранительная сетка против автомобилей, конечно, в данном случае не пригодится. Но разве можно не использовать такого визита? Призраки на улице не валяются. Спрос на все мистическое очень велик.

— По случаю Рождества изволили заглянуть? — закуривая папиросу, задумчиво сел Воротиллов в кресло.

— Да... Пугать хожу православных. Страх наводить.

— Ну, что же. Дело хорошее. А что: пугаются? Не желаете ли, кстати, папиросочки? Хотя синенькие, дрянь, но все таки...

— Не курю я. Нет мне покоя! Блуждаю!

— Ах, уж не говорите. Я сам, голубчик, который год в таком положении. А у вас какие условия? Сдельно пугаете? Или помесечно?

— Без отдыха... Каждую ночь. Под Рождество особенно... С шестнадцатого века брожу...

— С шестнадцатого? Это, действительно... Стаж. Можно сказать — спесиалитэ. А из-за чего это с вами, если не секрет?

— Не погребен. Убили по приказу царя. В подвале оставили. Нет пристанища. Нигде...

— Так, так... Не погребли. Понимаю. А знаете что?

Воротиллов встал, быстро направился к Духу.

— Я могу предложить вам отличную комбинацию, — взяв Духа за отворот савана, радостно произнес он. — Я вас погребу, хотите? Вы мне укажете точный адрес, где ваше

тело лежит, и я спишусь, с кем нужно, в России. А вы, со своей стороны, заключите со мной договор на два года с условием ежедневно выступать в кабаре. Всю организацию дела я беру в свои руки. Переговоры с ресторанами, реклама, помещения — это все я. Вы только появляетесь, громыхаете цепями и стонете. Если публика пожелает потрогать руками, чтобы убедиться в бестелесности, вы сопротивляться не будете. Весь доход с предприятия в течение двух лет получаю, конечно, я, деньги вам все равно не нужны. Ну, а тем временем я списываюсь с Россией, мои люди выкапывают вас из подвала и, по истечении срока контракта, хоронят. По рукам?

— Я ухожу... — побледнело привидение, отступая к дверям. — Я не могу. Чур меня!

— Что? Невыгодно? Погодите. Одну минутку. Ну, хорошо, не два года, а полтора. К 25 июля будущего... Идет?

— Чур меня!

— Год, в таком случае! Черт с тобой! Год! Что? И это не годится? Не понимаю! С шестнадцатого века блуждает, а один год потерпеть не в состоянии. Привидение! Мы еще обсудим! Привидение!

Воротиллов подскочил к двери, захлопнул, чтобы не дать возможности призраку уйти обратно. Заметавшись по комнате, Дух бросился ко второй двери, ведущей в соседний номер, торопливо сбил с ног цепи, стал протискиваться сквозь замочную скважину.

— Полгода! Согласен! Три месяца! Месяц! — восклицал между тем Воротиллов, держа Духа за подол и стараясь втянуть обратно в комнату. — Похороны по первому разряду! Доход пополам! Не хочешь? Идиот!

Кончалась ночь. Пропели вторые петухи. Уже готовились к своей очереди третьи. На улицах Бийанкура было пустынно и тихо. Дождь по-прежнему шел. Ветер по-прежнему выл. Мрачно глядели с разных углов черные окна закрытых ресторанов. И только в одном из них неясно дрожал в стекле слабый фосфорический свет.

За столом, покрытым белой бумагой с красными винными пятнами, сидели два призрака. Один уныло смотрел

через окно в темное небо. Другой нервно ерзал, испуганно оглядываясь по сторонам.

— А это не он? Приближается!

— Да брось ты. Все время мерещится. Ящик это, не человек.

— Ящик? Да, да. Верно. Ящик. Ах, Господи, Господи! Ночь-то какая! Ветер. Дождь. Ни зги не видно. Всюду чуждые люди... Хоть бы утро скорее!

РУССКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

После свержения большевиков, когда эмиграция вернется в Россию, в Петербурге можно будет наблюдать любопытные бытовые сценки...

Вагон трамвая № 3 по-прежнему ходит от Новой Деревни до Балтийского вокзала. Народу много. Душно. Среди стука колес и звона окон слышны отрывки бесед, отдельные фразы.

— Ох, как жарко! Будто не Петербург, а Лемнос.

— Что Лемнос! Наш Сиди-Бишр вспомнишь.

— Мсье! Вы уронили пакет. Вот.

— Хвала лепо.

— Что? Сербской эвакуации? Вот приятно! Позвольте познакомиться: Журавлев. Тоже эсхаесец.

— Врло доволен... Птичкин. Давно в Петербурге?

— Еденаедцать месяцев. Вы — белградец?

— Нет. Вранячкой Бани. А вы? Сараевский? Как же, бывал в Сараеве. Лепо. Прекрасный городок. Лукина, случайно, не знали?

— Господи! Как не знать. Приятели. Вместе в кинематографе в оркестре играли. Он на флейте, а я капельдинером.

— Доннер веттер! — раздается рядом с сербскими пассажирами сердитый голос. — Не толкайтесь, майн герр, когда разговариваете. Это вам не Тиргартен во время альгемайна штрайка.

— Действительно, субъект! Ляля, отодвинься. Сао джиц, дингай геби чака деджазмач.

— Бер мытаф, мама, не обращай внимания. Беребеви альга ферендж чыки чыки.

— Сударыня, прошу вас не ругаться. Я не виноват, что тесно.

— Никто вас не трогает, мсье. Я просто разговариваю с дочерью по-абиссински.

— Мсье! Эйэ ла бонтэ, передайте деньги ресеверу. Мерси бьен. Плетиль? Десять сантимов? Виноват — копеек? А я думал пять. Эскюзэ муа.

— Битте шен.

— Кому еще билеты? Господа! Прошу билеты! — раздаётся зычный возглас кондуктора.

— До краю, — сует деньги старушка.

— А мне до гар Монпарнас. Пардон. До Балтийского.

— Нет, — слышится голос одного загорелого пассажира, — тигров мне не приходилось бить, но льва одного подстрелил, это верно. Возле Маракеша, знаете, к югу. Идем как-то мы, французы, на наш форт Кебель, устали здорово после перестрелки с марокканцами. А тут вой... Лев ревет. Сержант и говорит: «Волонтеры, вперед! Кто хочет успокоить льва?» Была не была, думаю, целый день с марокканцами дрался, трудно, что ли, еще полчаса пострелять? А для русского престижа как-никак полезно. Вот и вызвался... Трое нас было — русские все.

— Убили?

— Уй.

— Мне в Бразилии не пришлось диких зверей встречать. Все в городах жил. Зато змей видел. Здоровенная это штука, сеньор, боа констриктор. Бревно. Я против змей там даже прибор изобрел, знаете: антисерпантин. Патент у бразильцев взял. На подоконник, если хотите ночью с открытым окном спать, кладется во всю ширину эдакая доска, а сверху окна в раме ходит тяжелый нож. Как в гильотине. Змее достаточно влезть на доску и добраться до середины, как нож вдруг падает — и трах. Тутто финито.

— Так, батенька, не только змею убить можно. И хозяин, если забудет да выглянет ночью в окно, тоже здорово страдает.

— Си, синьор, может. Только хозяева-то там кто? Португальцы. Пусть сами и берегутся.

В вагон входит вместе с каким-то странным мужчиной молоденькая дама. Берется за ремень, подвешенный к потолку, оглядывается.

— Маруся, ты?

— Верочка? Господи!

Со скамьи порывисто поднимается пассажирка. Раздаются радостные поцелуи.

— Боже мой! Как я рада! Давно? Когда? Откуда?

— Уже две недели... Из Америки. Вот встреча! Кстати — мой муж. Познакомьтесь, пожалуйста... Ягуар, — обращается дама к господину, — ой фе, хым хым бурлюло. Маруся Овечкина, юйт там-тайтфью.

— Бур! — элегантно наклоняет голову муж. — Ол райт.

— Очень приятно. К сожалению только, не разобрала... Ну, Верочка? Рассказывай... Где была? Я тебя с 25 года потеряла из виду. А, между тем, мало изменилась. Такая же.

— Ах, милая! Родная! Разве можно успеть все в трамвае? Заходи ко мне. На Большую Монетную, № 5. Сегодня же. Поговорим. Вот расскажу! Вот порассказываю! И про Калифорнию, и про Аляску. Помнишь географию? Полуострова? То-то и есть. Последний год жила на берегу Онтарио. Не забыла озер? Мичиган, Эри, Онтарио... И нашего преподавателя географии Николая Петровича? Кстати, жив он? Так, вот, я на Онтарио... Там познакомилась с мужем. И хотя он индеец и почти совсем не говорит по-английски, но какой прекрасный человек. Мы безумно любим друг друга. Ягуар, это моя подруга детства, понимаешь? Урлятру гур са фиф ы ы няу мый.

Вагон останавливается на углу Садовой и Невского. Огромная очередь у остановки. Какой-то господин вскочил на площадку.

— Нет местов! Господин, прошу сойти!

— Я ведь поместился.

— Господин, прошу сойти! Я не пуцу вагона.

— Слушайте... Мне спешно нужно на вокзал. На брызый воз.

— Прошу сойти!

— Кондуктор, — вмешивается Журавлев, услышавший сербские слова «брзый воз». — Если человек поместился, значит, место есть. Молим, господине! От какого вароша сте вы?

— А! Наш? Я из Ниша. Приятно! Па шта отчет за мене кондуктор? Хвала Богу, има струя, има место... А он лютит-ся, као нелепа животица.

— Господин! Прошу вас сойти!

— Он не сойдет, кондуктор. Мы не допустим. Птичкин, хайда овде! Господине, не мойте да излазити.

— Мессие, — спрашивает, вдруг, кто-то из середины вагона. — Э пуркуа мы стоим? Ресевер! Дешеше ву. Что там? Скандал? Мон Дье, я опоздаю на поезд.

— Господа! — суетится Журавлев. — Кто здесь сербской эвакуации? наших притесняют! Это нахальство! Французы! О секур!

— Эй, майн герр, битте зер, слезайте, вам же сказали... Геен зи цум тейфель.

— Долой немцев! Мадам, попросите вашего мужа, индейца, помочь... Кондуктор! Мы протестуем. Нас большинство!

Вагон, наконец, отходит. Сербская эвакуация, в союзе с французским легионером из Марокко, чехословацкими студентами, двумя абиссинками, одним лемносским жителем и индейцем с Онтарио, большинством голосов побеждает берлинского беженца и изобретателя из Бразилии.

Вагон, ускоряя ход, проходит мимо Гостиного. А в углу, на площадке, стоит какой-то нейтральный константинопольский старичок, вздыхает и, укоризненно покачивая головой, шепчет:

— Айя София! Айя София! Опять партии... Опять группировки... Алла! Алла!

БУДУЩИЕ ГОРОДНИЧИЕ

Хотя у Николая Ивановича Синявина, назначенного после свержения большевиков градоначальником города Энска, прием в канцелярии начинается в одиннадцать, однако Синявин все равно, по беженской привычке, приобретенной в Болгарии, встает рано: в половине седьмого.

Не доверяя ванной комнате своего дома и боясь, что во время умывания неожиданно перестанет идти вода, как это нередко происходило в Софии, он спускается вниз, во двор, моет под краном голову, обтирается и возвращается пить утренний чай.

Свободные часы от занятий особенно тоскливы и продолжительны: платье и башмаки вычищены, полы подметены, на носках нельзя для штопки найти ни одной приличной дыры. Чтобы убить время, Николай Иванович идет, обыкновенно, на кухню.

— Степан, а что сегодня на обед?

— Изволили заказать, ваше превосходительство, борщ, пожарские котлеты, горошек, гурьевскую кашу.

— Так-с. А ты, братец, умеешь скобелевские котлеты готовить?

— Никак нет.

— А по-суворовски? С перчиком?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

— Эх, братец, братец... Где же ты образование получил?

Погоди. В воскресенье после обеда буду свободен, приходи ко мне в кабинет. Научу. Шестнадцати сортам котлет. Если бы ты знал, как я по-суворовски готовлю — пальчики оближешь! А черняевские? А марешаль? Бисмарковские? Наполеоновские? Котлеты по-хорватски? Полтора года, братец, сам поваром был. Не шутка. Смотри же: после обеда в воскресенье!

Из своего дома Николай Иванович едет в канцелярию не в экипаже, а в вагоне трамвая. Не хочет обращать на себя внимания.

— Господин, ваш билет!

— Я же тебе, милый, показывал.

— А где упомянуть, у кого есть, а у кого нет.

— Изволь. Только ты, дорогой мой, напрасно говоришь: где упомянуть. Я вот в Загребе только один месяц кондуктором был, а все запоминал. Никогда ни к кому второй раз не лез. Тут, братец, особая мнемоника нужна: зрительная. Когда ты совершаешь рейс, обращай внимание, прежде всего, на костюм: зеленая дама взяла, темно-красная взяла, господин в белых брюках взял, а с розовым галстуком уклоняется. А если костюм обычный, запоминай по лицу. Бритый не брал, усатый вместе с бородатым — уже. На носы тоже хорошо взглядывать. Облегчает... В особенности, если бородавки или синие жилки.

В канцелярии у Николая Ивановича работа кипит. Это не то, что прежде: доклады — резолюции, резолюции — доклады. Николай Иванович во все входит, все хочет знать сам, любит со всеми говорить лично.

— Сапожник подал прошение? Позовите сапожника. Может быть, он и шить не умеет, а на полицию жалуется. Ну, здравствуй, голубчик. Садись. Давно ты сапожником?

— Да сызмальства, ваше превосходительство.

— Как шьешь: на деревянных гвоздях или с шитой подошвой?

— На гвоздичках, ваше-ство, на гвоздичках. Мой отец на гвоздичках, так и я тоже, по родительскому благословению.

— Нехорошо, братец. Гвоздики плохо держат. Я сам на второй месяц работы в Константинополе от деревянных гвоздей отказался: стыдно перед публикой. Отстанет подошва и кажется, будто не башмак, а морда оскаленная. Шитую никогда не пробовал?

— Никак нет!

— Это на тебе твоя работа? Покажи-ка. Подними ногу. Милый мой! Да как ты дратву ведешь? Это разве параллель? И каблук, смотри: тут у тебя выступает, а там срезано. Срамник, ранта даже сделать не можешь! Если хочешь, приходи после обеда в воскресенье, принеси инструменты.

Я тебе покажу, как шитую подошву подводить.

До пяти часов Николай Иванович без перерыва работает. И, забрав из канцелярии наиболее важные бумаги для вечерних занятий, возвращается пешком домой.

— «Энский телеграф» на завтра! — кричит газетчик. — Свежие новости!

Николай Иванович останавливается.

— А что именно нового?

— Всякие новости, разные новости... Купите, господин!

— Ты мне скажи сразу, что самое главное в номере. Не знаешь? Эх ты, газетчик! Я бы тебя из экспедиции на второй день выгнал. Хороший газетчик, дорогой мой, должен знать боевое место. Должен понимать, в чем выигрыш информации. Дай-ка сюда... Вот, смотри: «Англия. Переговоры с индусами о воссоединении в одну империю»... старо. «Афины. Об установлении фашистского образа правления». Было уже. Ну-ка? «Франция. Парижская печать о возобновлении франко-русского союза». Вот! Отлично. Ты и кричи: «Франко-русский союз! Франко-русский союз!» Беги, что есть мочи, и кричи. Я сам в Софии, братец, газеты продавал... Номера тебе дают сфальцованные?

— Я не знаю...

— Не знаешь фальцовки? Костяным ножичком никогда не работал? Ну и газетчики! Срам. Погоди... В воскресенье, после обеда, заходи ко мне. В шесть часов. Я покажу. И софийский ножичек подарю, так и быть.

В воскресенье после обеда у Николая Ивановича собирается общество. Повар Степан, сапожник, газетчик, пильщик дров, вялую работу которого градоначальник видел из окна своей канцелярии, монтер, не умевший найти в первом полицейском участке места повреждения провода... Николай Иванович по очереди читает каждому лекцию, объясняет, тут же на инструментах и материале показывает, как следует работать. И поздно к ночи, когда нужно ложиться спать, с сожалением расстается с коллегами, которым горячо и долго жмет руки, просит не забывать, заходить почаще по воскресеньям поболтать о дратве, о пилах, об экспедиции, о беф бризе.

— Мусинька, — виновато говорит жене Николай Иванович, ложась спать. — Ты, кажется, недовольна?

— Я думаю. Тоже — учитель!

— Мусинька... Но... Градоначальник ведь действительно должен быть для населения отцом и учителем! Только тогда ему не страшен никакой Гоголь!

РОБИНЗОН КРУЗО

I.

В числе беженцев, пожелавших ехать в качестве простых рабочих в Бразилию, был и я. Мы отплыли из Марселя при вполне благоприятной погоде, и путешествие до Гибралтара протекало нормально: метр д'отель парохода давал нам обед только в четные дни, утренний завтрак только в нечетные, а представитель бразильских плантаторов дон Кабаллос ежедневно сгонял нас после полудня на корму, производил перекличку, разнося того, кто терял в весе.

В общем, все шло хорошо. Но когда миновали Танжер и справа ушел из поля зрения графальгарский маяк, подул ветер. Стоявший на баке старый боцман сказал мне, показывая на бежавшего сзади парохода дельфина:

— Смотрите, мсье, когда он выскакивает из воды, у него прищуривается правый глаз. Это — к непогоде.

И, действительно, старый морской волк оказался прав. Прошло томительных семь дней зловещего штителя — и разыгралась, наконец, ужаснейшая буря, описать величие которой не под силу даже англичанину. Волны высотой в американский небоскреб перекатывались через палубу с легкостью тигра; ветер выл с такою яростью, что звуки его были слышны за тысячи миль вокруг, хотя он и там тоже выл. Но старый боцман, с которым я сошелся в дороге, привязал себя к одной мачте, я привязал себя к другой, — и мы дружески разговорились.

— Свежеет, — сказал он, вытянув зубами из кармана трубку и высекая свободным локтем огонь из зажигалки. — Судя по тому, что гребни у волн не мохнатые, а расчесанные, такая погодка продлится не менее восьми с половиною дней.

Затем, выждав, пока через нас перекатывалась волна высотой в восемнадцатизэтажный дом с мансардой, мой собеседник раздул в трубке огонь и продолжал:

— Вы напрасно едете, мсье, в Бразилию. Вы не знаете Кабаллоса: он вас сгноит на плантациях. 10 мильрейсов в день, а работы 16 часов в сутки. Лихорадки... Дикие звери. Ведь вам неизвестно, а я-то хорошо знаю, что у него все негры сбежали в Москву на коммунистический съезд. Вот он теперь, вместо них, и хочет наwerben вас, беженцев.

Боцман долго рассказывал об условиях жизни в Бразилии. Три дня беседовали мы с ним на эту тему, и на четвертый я, наконец, решился...

Поздней ночью, перед рассветом, когда на рубке дежурил капитан, а на носу стоял дежурный матрос, я незаметно вытащил из каюты три своих чемодана, из которых два были совершенно пустые, проскользнул на бак, привязал себя прочной веревкой к чемоданам и бросился в воду.

— Человек за бортом! — деловито крикнул с рубки капитан.

— Есть, — бодро ответил с носа матрос.

И неожиданно накатившийся на пароход вал прекратил их дальнейшие переговоры.

Пустые чемоданы удобно и легко поддерживали меня на воде. Поднимаясь на расчесанные гребни волн и спускаясь в пропасти между ними, я весело плыл на юг, зная, что недалеко от Пернамбуко есть группа мелких необитаемых островов. До рассвета ветер не унимал своей ярости. Минутами казалось, что разбушевавшаяся стихия неожиданно поглотит меня. Но вот взошло солнце... Загорелся день. И буря внезапно стихла, сменив водные небоскребы паркетным полом, годным для дансинга.

Вытащив из кармана носовой платок, я помахал им во все стороны на случай, если вблизи будет проходить какое-нибудь подходящее судно. Но судна не было. Взобравшись повыше на один из чемоданов, я внимательно стал осматривать горизонт, прикрыв глаза ладонью руки. И, о радость...

— Земля! Земля!

II.

...Уже шесть месяцев, — как я живу на необитаемом острове. Какая роскошь! Какие удобства! Вспоминая свою жизнь на Лемносе, на Халках, а затем на копиях Перник в Болгарии, я отдыхаю телом и духом, окреп, пополнел. При спуске с чемоданов на берег приятно щекотало мою гордость — полное отсутствие места для регистрации и предъявления визы. Чемоданов никто не осматривал, никто не давал понять, что лучше всего мне забрать эти чемоданы и возвратиться на родину...

Вознеся благодарственную молитву Богу за редкую для беженца удачу, я начал осторожно исследовать остров, чтобы узнать, есть ли тут население и, если есть, то насколько сочувствует большевикам: ест ли человеческое мясо или не ест.

Опасения рассеялись, однако, быстро. Островок оказался малевьким; не только людей, не даже тигров и змей нет в помине. Ни одного консула, ни одной квартирной хозяйки, ни одного политического деятеля. Мудрая вековая тишина, вечный покой и благородное щебетание дружелюбных птиц в безопасном лесу.

Раскрыв чемодан, где хранились у меня заготовленные для Бразилии рабочие инструменты, я энергично взялся за дело. И русский топор застучал там, где никогда раньше не стучал топор европейца.

III.

Да, всего шесть месяцев... А между тем, у меня сейчас уже прелестный деревянный домик из трех комнат с передней и кухней. За такой домик в Болгарии пришлось бы платить по тысяче левов ежемесячно. На кухне стоит прекрасная печь, обшитая деревом по системе одного моего приятеля и дающая 80 процентов экономии топлива; в

спальне я поставил превосходную складную кровать системы другого знакомого беженца, удобную тем, что днем она обращается в стол, после обеда — в лонгшез, вечером — в ванну, а когда иду на охоту — в пустой ящик наподобие охотничьей сумки.

Превосходный разборный шкаф сделал я из растущего здесь в изобилии палисандрового дерева, куда повесил за ненадобностью на три отдельные вешалки пиджак, брюки и жилет, чтобы они не терлись друг о друга и лучше сохранились до тех пор, пока понадобятся. И вообще для всего теперь у меня есть свое место. Даже для уцелевшей как-им-то образом в чемодане петербургской конфетной коробки «Блигкен и Робинсон» в гостиной стоит специальный изящный столик с инкрустациями. Ах, этот «Блигкен и Робинсон»! Я часто смотрю на коробку, грущу и уношусь воспоминаниями в счастливое прошлое... Робинзон теперь я сам. Но где ты, где ты, о Блигкен?

Говорить ли мне о всем комфорте, которым пользуюсь я на своем острове? Печь моя зимой не охлаждается, летом не нагревается; в спальне висит электрический фонарик, на котором я заставил безостановочно вращаться особым приспособлением цветной абажур; электрическую энергию я беру от прибора волн; по острову катаюсь на самодельном деревянном велосипеде; а моя изящная лодка, в которой я совершаю послеобеденные прогулки вокруг острова, составляет мою главную гордость, так как для движения ее я изобрел вместо неуклюжих весел педали и превращаю в энергию движения свой собственный вес, который до сих пор напрасно пропадал во вселенной, не принося мне ровно никакой пользы.

Да, да. Я счастлив. Я независим. Я — президент и избиратель, я шеф полиции и гражданин. Я производитель и потребитель, купец и покупатель, оратор и слушатель, писатель на песке и на песке же читатель... Я не аристократ и не демократ, я — самодовлеющий беженец. Конференции, сессии, договоры, репарации, союзы, надувательства, предательства, мировые шантажи, вселенские жульничества... Эй, вы там, несчастные народы Старого и Нового Света...

Как вы себя чувствуете? Плохо? Ну, то-то же. А я — превосходно.

IV.

Впрочем... сознаюсь. При всем счастье, которым я наслаждаюсь, меня в последнее время начинает все чаще и чаще мучить неудовлетворенность в одной области. Русские люди легко поймут, в чем дело. Я тоскую по... политическом противнике.

Ах, это политическое одиночество! Что может быть ужаснее отсутствия оппонента? Четыре месяца я не замечал подобной потребности, непрерывно трудясь с утра до позднего вечера. Но когда явился досуг и наступают свободные часы — я страдаю без споров. Я тоскую без раздора.

Иногда после обеда, сидя в лодке, я начинаю спорить сам с собой, чтобы излить накипевшее чувство. Я делюсь на два лагеря, враждебно настроенных. Я стараюсь оклеветать, очернить, опозорить противника. И поющие на опушке у пляжа птицы иногда вдруг испуганно смолкают, прислушиваясь к резким голосам, когда я стою в лодке и кричу на весь остров:

- Народ должен высказаться!
- Не должен!
- Должен!
- Не должен!

Да, только шесть месяцев прошло. И... проклятая жажда противника. Что мне делать с тобой? Увижу ли я когда-нибудь человека? Услышу ли из его уст не совпадающие с моим мировоззрением речи? Прав Аристотель — человек животное общественное. Но я знаю теперь почему: ему нужен оппонент.

V.

Ура! Свершилось. Бог внял мольбам. Я не один. Произошло нечто странное, удивительное...

Мой остров окружен множеством таких же островов, тихих, необитаемых. Я не решался побывать на них, я не уплывал далеко. Но свой островок я изучил вполне и знаю, что кроме пернатых друзей, никого на нем нет.

И вдруг...

Однажды, рано утром, я шел на охоту за бразильскими вальдшнепами. Нес с собой усовершенствованный скорострельный лук; колчан с тонкими стрелами; треножник, на котором лук устанавливался и при помощи рукоятки приводился в действие как пулемет.

И тихо, чтобы не спугнуть птиц, заглушенно спорил сам с собою на социальные темы.

— Человек! — вздрогнул я, бросив изумленный взгляд на песок. — Человеческая нога... Следы! Кто это?

Сердце колотилось в груди. В ушах гудела прилившая кровь. Я затаил шаги, стал идти крадучись, боясь лишнего шороха... Прошел к опушке... Выглянул...

— Жертвоприношение!

Да, на пляже сидели несколько голых человек... Тела, как темная бронза. Они громко спорили, окружив какого-то несчастного, потрясали руками, воинственно поднимали вверх луки и стрелы. На воде, у самого берега, колыхалась пирога. И было ясно: дикари прибыли сюда, считая мой остров необитаемым.

Я установил треножник, приладил лук, попробовал тетиву. Все в порядке...

Бедный, бедный Пятница! Неужели тебя убьют? Неужели съедят? Нет, я спасу. Отобью. Но только почему нет костра? Почему они уходят к лодке, не убив его, не сняв даже на память скальпа? Он остался один на песке, крикнул вслед что-то насмешливое, выбранился как будто бы, хотя слов и нельзя разобрать...

Очевидно — изгнание? Остракизм?

Лодка быстро удалялась. Я подождал, пока она ушла к горизонту, и, наконец, крикнул:

— Э-й-э!

Он вскочил.

— О-й-о! — продолжал я.

— Человек! — заорал он со страхом. И бросился бежать.

Что это? Я не ослышался? Русский? Свой? Беженец? Какое счастье!

VI.

Я часа два гонялся за ним по острову, пока он расслышал, наконец, русские слова в моих восклицаниях. Только у меня на квартире, сидя за ежевичным чаем, он пришел окончательно в себя, отдышавшись после быстрого бега, и объяснил, что его выселили из соседней русской колонии за крайне правые убеждения.

— А вы — кто? Тоже республиканец? Как они? — робко спросил Пятница, рассказав подробно свою историю.

— Нет, монархист, — грустно ответил я.

— Так мы же друзья! — вскричал радостно он.

— Да, друзья, — опустил голову я. Но, затем, видя, что это негостеприимно, пожал Пятнице руку. — Друзья, конечно. Я — Робинзон, а вы... предположим... Блигкен. Да. Но только, милый мой! Мы будем иногда спорить, да? Мы будем ссориться, не правда ли? А то жизнь на необитаемом острове так спокойна! Русская натура так страстно ищет выхода! Дорогой... Родной мой Блигкен! Мы что-нибудь придумаем, мы что-нибудь изобретем. Ведь теперь я не один, теперь нас двое. Теперь мы можем смело составить две партии!

Рассказ «Сочельник в будущем» публикуется по газ.
«Возрождение» (1931. № 2045. 7 января), остальные – по
авторскому сборнику «Незванные варяги» (Париж, 1929).
Тексты переведены в новую орфографию с исправлением
очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей
орфографии и пунктуации.

Оглавление

Вокруг света	6
На кладбище	14
Их мира неясного	20
Сочельник в будущем	27
Святочный рассказ	30
Русский интернационал	37
Будущие городничие	41
Робинзон Крузо	45

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.